

Григорий АЛЕКСАНДРОВ:

«УЧИТЬСЯ У ЖИЗНИ»

XXVI съезд Коммунистической партии... Это событие исторического масштаба, важнейшая веха на созидательном пути нашей страны. Это время подведения итогов, время осмысления того, что сделано, что предстоит сделать впереди. С какими же мыслями и чувствами встретили кинематографисты вест о созыве очередного партийного съезда? С таким вопросом мы обратились к народному артисту СССР, Герою Социалистического Труда кинорежиссеру Григорию Васильевичу Александрову.

— Я, как и каждый советский человек, с большим воодушевлением воспринял Постановление июньского Пленума ЦК КПСС, — сказал Григорий Александров. — Оно вызывает во мне чувство гордости за нашу Родину, идущую уверенной поступью к намеченной цели. Думая о предстоящем съезде партии, я невольно мысленным взором переполюсь в далекие годы, ко времени, когда наша страна и ее кинематограф делали лишь первые свои шаги. Рожденное революцией — так по праву можно сказать про советское кино. — вот уже более шести десятилетий развиваясь как искусство партийное и народное, оно высоко несет знамя великих идей Октября.

Советское искусство превратилось в могучее средство коммунистического воспитания масс, обогатило сокровищницу советской и мировой культуры замечательными художественными творениями. И в этой большой созидательной, творческой работе всего советского многонационального кинематографа ведущее место по праву принадлежит коллективу крупнейшей в Советском Союзе киностудии «Мосфильм». Я горжусь тем, что с ней у меня связана вся жизнь. Вся история «Мосфильма» проходила на моих глазах, с моим участием...

В 1924 году на Первой киностудии возникла творческая группа, которую возглавил Сергей Эйзенштейн. В нее вошел и я. Сначала как ассистент режиссера, а потом как соавтор и сорежиссер. За очень короткий срок мы сняли фильм «Стачка» — ленту о революционном рабочем движении. А в следующем, 1925 году нашей киностудией была создана картина «Броненосец «Потемкин», которая в будущем, через много лет, будет признана кинокритиками мира «лучшим фильмом всех времен и народов». Все эти ленты делались руками энтузиастов. Мы были молоды, полны энергии и горячего напора. Самому старшему из нас, Сергею Эйзенштейну, было всего лишь двадцать семь, мне — двадцать два года. И все мы пришли в кино из самой гущи жизни.

— У кого вы учились кинематографическому искусству?

— Да ни у кого! Разве что у самой жизни. Мы до всего доходили сами. Взяв из вооружения технические достижения тогдашнего кинематографа, мы создавали новое, советское киноискусство самостоятельно.

Почему это стало возможным? Потому что все в ту пору создавалось в стране заново. В «сплошной лихорадке буден» революционная энергия масс творила новые формы жизни и новые формы искусства. В те годы начинали свою кинематографическую деятельность Всеволод Пудовкин и Григорий Рошаль, Иван Пырьев и Александр Довженко. Чуть позднее здесь стали трудиться Сергей Юткевич и Михаил Ромм. Какого со звездие имен!

Я вспоминаю закладку первого камня будущей киностудии «Мосфильм» в 1927 году на Покотихе. Вокруг деревенская глушь, мелколесье, кусты. Никаких дорог. Кирпич доставляли из города на скрипучих крестьянских телегах. Присутствовал

тогда на этой церемонии глава американской кинокомпании «Парамаунт», посмеиваясь, заметил: «Я боюсь, как бы ваша киностудия не стала конкурентом «Голливуду». Сегодня, через много лет, мы воочию убедились, что шутка эта оказалась весьма пророческой... Вряд ли найдется сегодня в нашей стране человек, и все меньше и меньше таких людей за рубежом, которые бы не знали знаменитой мужинской скульптуры рабочего и колхозницы — эмблемы, с которой начинается каждая картина «Мосфильма».

— Формула смеха... Секрет успеха... По общему признанию зрителей, вам удалось кое-что прояснить в этом вопросе...

— Многократно размышляя над законами комедийного жанра, я пришел к убеждению, что смех — величайшее явление жизни. Еще Марк Твен утверждал: «Ни одно божество, ни одна религия не выдержит насмешки. Церковь, аристократия, монархия, живущие надумательством, встретившись с насмешкой лицом к лицу, умирают». Не случайно в кинокомедиях смех всегда принимает социальную направленность и остроту, становится посредником, как говорил Белинский, помогающим отличить истину от лжи. Искусство смеяться — снайперское искусство. Комедия требует прямого попадания в яблоčko. Здесь все зависит от пресловутого «чуть-чуть». Юмор — слово латинское, означающее по-русски «влага». Я бы сказал: влага, сок жизни в противовес сухости... И смех в кинокомедии обладает поразительной способностью расковырять живую силу, подобно тому, как солнце и мороз раскалывают скалы. Но искусство смеяться — самое трудное искусство. Заставить человека плакать гораздо легче, чем заставить его смеяться...

Увы, сегодня еще немало комедий, стреляющих холостым выстрелом... Конечно, и их смотрят, робко смеются, нередко залы бывают даже переполнены. Но объяснение тут простое. Зритель идет в кино уже по инерции: срабатывает гипноз жанра. Главная же беда — зритель не воспринимает картину всерьез. А надо, чтобы непременно всерьез. Надо, чтобы смех всегда был могучей очистительной силой, делал людей лучше, умнее, честнее, благороднее. Иначе не стоит и братья за этот трудный жанр. Смех — дело серьезное. Не каждому он по плечу. Не случайно поговорка гласит: «Скажи мне, над чем ты смеешься, и я тебе скажу, кто ты...» Велика мера ответственности хирурга за жизнь больного, авиаинженера — за модель самолета. Но не меньшая ответственность лежит и на нас, кинематографистах, а тем паче на комедиографах, борющихся за новую жизнь могучим оружием смеха.

— Сваряете ли вы свои творческие устремления с показанием «барометра» зрительского интереса?

— «Выходя из кинотеатра, я спрашиваю себя: что нового ты узнал за эти полтора-два часа? Что тебя взволновало, тронуло, что рассмешило до слез? Иной раз приходится отвечать: почти ничего. Какие-то малоинтересные люди выясняли выясненное, решали решенное. В жизни все серьезнее, да и сложнее» — так написал мне один из кинозрителей. И таких писем немало. Люди пишут, что им понравилось, а что не понравилось, как представляют они пути развития кинематографа. Нам очень дорого это мнение зрителей. Потому что в нем — один из каналов «обратной связи» кино и зри-

теля, своеобразный индикатор взаимодействия киноискусства и зрительской аудитории. Для нас, кинематографистов, каждая такая встреча со зрителем и большая радость, и большое знаменательное событие, и своеобразная проверка результатов нашей работы. Настоящий художник творит для народа, а кинематограф в силу своей специфики действительно самый массовый из искусств, и потому нам, деятелям кино, как никому другому, важно и ценно встречаться с теми, кому мы посвящаем свое творчество.

За долгую свою жизнь мне не раз выпадало счастье встречаться со зрителем. Я помню такие встречи и в двадцатых, и в тридцатых годах, и совсем недавние, прошлой зимой, например, с рабочими автозавода имени Лихачева. Я сравниваю их и не могу не поражаться и не восхищаться тому, насколько вырос современный зритель, как глубоко, тонко и обстоятельно он стал разбираться в вопросах кино. Мне кажется, что кинозритель стоит сегодня в идейном и эстетическом плане настолько высоко, что подчас отдельным творческим работникам не помешало бы подтянуться до его уровня. Однако подлинный художник должен не только идти вровень со зрителем, но прежде всего впереди него, честно поднимая в киноискусстве жизненно важные, значительные проблемы и помогая зрителю осмыслить процессы, происходящие в обществе.

— Что же, по-вашему, волнует сегодня зрителя? О чем он мечтает? Какие пожелания он высказывает в адрес кинематографистов?

— Конечно, подавляющее число зрителей с большой, искренней благодарностью отзываются о работе кинематографистов. Но есть еще, увы, немало справедливых критических замечаний, к которым нельзя не прислушаться. Например, одни зрители подмечают «идейный провал», существующий в некоторых нынешних картинах, отсутствие жизненной правды, стремление сценаристов больше выдумывать, фантазировать, вместо того, чтобы черпать факты из реальной действительности. Другие находят, что киностудии страны выпускают слишком мало картин о наших днях, о нашем современнике. Третьи сетуют на то, что средний уростень фильмов не отличается от того, на котором они делались десять — пятнадцать лет назад, и что в этих картинах — в том числе и в комедийных — без конца появляются стереотипные типажи, давно примелькавшиеся и порядком поднадоевшие... Зритель мечтает об умных, глубоких, талантливых картинах в самых различных жанрах, отличающихся качеством подлинного высокого искусства, о картинах, в которых счастливо уживались бы и интересная содержательность, и яркая зрелищность.

Утверждения добра невозможны без оскорбления зла, так, кажется, писал Чернышевский. Если у художника есть свой идеал, он, естественно, пропагандирует его, возвышает, отрицая все, что ему чуждо. В этом-то случае и появляется накал страстей, который всегда передается зрителю. Но это же требует от художника своей достаточно прочной авторской позиции и борьбы за идеал. И именно тогда рождается зрелое, высокохудожественное произведение искусства. Я убежден: каждый фильм должен принимать участие в идеологическом сражении, должен быть агитатором. Раскрывать взаимоотношения между личностью и обществом — такова, на мой взгляд, тенденция нашего социалистического искусства. Я вижу задачу советских деятелей кино в том, чтобы неустанно вести наступательную борьбу с враждебным нам идеологическим влиянием, быть зоркими и чуткими к проискам наших врагов и со всей ленинской страстностью разоблачать чуждый нам буржуазный образ жизни.

Что, например, сегодня пропагандируют на экранах буржуазные деятели кино? Мир плох, утверждает западное искусство. Так давайте же уйдем в себя, познаем возможности своей души, откроем для себя свой собственный мир. Вроде бы известная доля рационального есть. А по сути дела это призыв к эгоизму. И тенденция буржуазного искусства состоит в том, чтобы разобщить людей, отвлечь их от социальной борьбы, предложив им взамен низкопробное искусство мелодрамы и секса.

Нашему советскому кинематографу, всем прогрессивным деятелям кино чужды и такая философия, и такая тенденция. Мы стремимся к солидарности всех людей, стремимся к прогрессу и миру на земле. «Мир — это непреходящая ценность для человечества», — сказал товарищ Л. И. Брежнев, выступая на июньском Пленуме ЦК КПСС. — Знамя мира и сотрудничества между народами поднял В. И. Ленин. Этому знамени мы будем верны». Эти слова Леонида Ильича близки сердцу каждого из нас. И мы, советские деятели культуры, видим благородный долг в том, чтобы своим творчеством активно бороться со злом, служить народу, родной партии во имя светлых идеалов коммунизма.

— «Мосфильм» вчера, сегодня, завтра... У него прекрасное прошлое, многообещающее будущее. Но что, по вашему мнению, позволило этому творческому коллективу обрести то выдающееся положение, которое он занимает сегодня в советской и мировой культуре?

— Не рвется связь времен! Каждый год на студию приходят все новые и новые одаренные люди, посвятившие себя важнейшему из искусств. Мастера всех поколений мосфильмовцев при всей разности их талантов и творческих устремлений объединены здесь одним желанием — сделать как можно больше хороших и нужных народу картин, в которых нашел бы свое отражение самоотверженный труд нашего современника, его богатый духовный мир, утверждающий на земле красоту. Они работают в пазильонах и монтажных комнатах рядом, бок о бок друг с другом. В этом есть, по-моему, своя символика. Ведь каждое поколение талантов — это как бы новое кольцо в растущем дереве. Одно кольцо наслаивается на другое, в свою очередь на него наслаивается третье, и каждое вновь образующееся не может идти в рост, не имея опоры в предыдущем. А вместе они и составляют ствол. И чем больше колец, тем мощнее и раскидистее дерево...

Вел беседу
Юрий БЕЛКИН